

Ментуз Дмитрий Николаевич

МЕТАФОРА И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА

Предметом исследования в данной работе выступают закономерности речи в её интерпретационном и метафорическом модусе. Прояснение и понимание таких закономерностей актуально и необходимо, так как в расшифровке, в свою очередь, нуждается наша рефлексия. Мы испытываем потребность в интерпретации сознания в силу того, что его содержание может быть ложным, более того, очень часто оказывается таковым. К сомнению, к жажде трансценденции подводит нас наша интуиция, следовательно, возникает потребность в понимании закономерностей двойного смысла, метафоры. Автор видит свою задачу в исследовании закономерностей двойного смысла, закономерностей речи в её интерпретационном и метафорическом, образном модусе и приходит к выводу, что образ, неразрывно связанный со смыслом, является всё-таки эффектом отзвука, отклика или отражения и тем не менее не является вторичным явлением.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 102-104. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Biddle M.** The Tomb of Christ. Stroud Phoenix Mill, 1999. 172 p.
2. **Corbo V. C.** Il Santo Sepolcro di Gerusalemme. Aspetti archeologici dalle origini al periodo crociato. Jerusalem, 1982. P. I. Testo: con riassunto in inglese. 235 p.
3. **Corbo V. C.** Il Santo Sepolcro di Gerusalemme. Aspetti archeologici dalle origini al periodo crociato. Jerusalem, 1981. P. II. Tavole: con annotazioni in italiano e in inglese. 68 p.
4. **Coüasnon Ch.** The Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem. L., 1974. 64 p.
5. **Ousterhout R.** Rebuilding the Temple: Constantine Monomachus and the Holy Sepulchre // Journal of the Society of Architectural Historians. 1989. Vol. 48. № 1. P. 66-78.
6. **Pringle D.** The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus. Cambridge, 2007. Vol. 3. The City of Jerusalem. 506 p.
7. **Vogüé Ch.-J. M. de.** Les Églises de la Terre Sainte: Fragments d'un voyage en Orient. P., 1859. 463 p.

RECONSTRUCTION OF THE CHURCH OF THE HOLY SEPULCHRE IN THE XI CENTURY

Lavrent'eva Elena Sergeevna
State Institute for Art Studies in Moscow
llv82@mail.ru

This article deals with the process of reconstruction of the Church of the Holy Sepulchre after its destruction by order of the Fatimid caliph Al-Hakim in 1008(9). According to written references, reconstruction was carried out in several stages under auspices of several emperors of the Byzantine Empire. There is very little archaeological information about the external appearance and internal structure of the Church of the Holy Sepulchre, since at the beginning of the XII century its eastern part was completely rebuilt by the crusaders.

Key words and phrases: The Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem; Romanos III Argyros; Michael IV the Paphlagonian; Constantine IX Monomachos; Al-Hakim bi-Amr Allah; Fatimid Caliphate.

УДК 124.2

Философские науки

Предметом исследования в данной работе выступают закономерности речи в её интерпретационном и метафорическом модусе. Прояснение и понимание таких закономерностей актуально и необходимо, так как в расшифровке, в свою очередь, нуждается наша рефлексия. Мы испытываем потребность в интерпретации сознания в силу того, что его содержание может быть ложным, более того, очень часто оказывается таковым. К сомнению, к жажде трансценденции подводит нас наша интуиция, следовательно, возникает потребность в понимании закономерностей двойного смысла, метафоры. Автор видит свою задачу в исследовании закономерностей двойного смысла, закономерностей речи в её интерпретационном и метафорическом, образном модусе и приходит к выводу, что образ, неразрывно связанный со смыслом, является всё-таки эффектом от отзвука, отклика или отражения и тем не менее не является вторичным явлением.

Ключевые слова и фразы: метафора; смысл; образ; представление; семантика; дискурс.

Ментуз Дмитрий Николаевич

Софийский университет имени святого Климента Охридского, Республика Болгария
mentus@yandex.ru

**МЕТАФОРА И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ
КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА**

Вопрос чувств и метафор – или, в сущности, вопрос истинностных притязаний поэтического языка – является одним из основных и наиболее важных в современной философии. В то время как у Гегеля и многих его последователей рассматривается галерея образов и логическая система, в которой язык сопровождает эти образы и раскрывает их, не становясь при этом объектом внимания сам по себе, теория метафор и воображения восполняет этот пробел, выделяя особое место «значению». Субъект присутствует непосредственно в языке.

Важно понимать сам язык – не только в его «семиологической» и «структуралистской» ипостасях, но также в его диалектическом, поэтическом и метафорическом проявлениях. Язык сам по себе революционен, и для понимания истории в целом понимания отдельных исторических преданий и (или) исторических эманаций духа недостаточно.

Интерпретация образа представляет собой форму, посредством которой реализуется воспоминание, реминисценция.

Суть суждения заключается в переходе от субъекта к предикату, о чем говорится в «Воспоминаниях» Верена [5]. Однако если сравнить эту точку зрения с иной теорией, представленной в работе «Воображение в дискурсе и действии» [2, p. 109], то мы увидим, что другой автор, Пол Рикер, раскрывает внутреннюю

функцию пропозиции внутри языка как предикативное действие, тем самым представляя её как непосредственную возможность для дискурса и смысла, возможность для метафоры, а впоследствии и для образа.

В теории Рикера образ является второй ступенью – это смысл, который выражается в метафоре с помощью абсолютных философских и поэтических терминов, что впоследствии приводит к формированию абсолютного человеческого языка как образа.

Процесс воспоминаний происходит за счет метафор, догадок и образов. Благодаря реминисценции мы получаем доступ ко всей галерее образов, посредством которой сознание порождает все поворотные моменты в процессе жизни.

Вспоминать – значит формировать не пропозицию, а образы. Образ – не пропозиция и не косвенное предложение. Образ не является пропозицией и не рождается из пропозиции, как в гносеологии; он рождается из пропозиции без «двойного смысла». Тем не менее сам образ рождается из метафорической пропозиции, а следовательно, из пропозиции, функционирующей предикативно в рамках расщепленного «двойного» смысла. Это исходное основание человеческого языка может приводить к формированию образа – как в экстремальном, так и в обычном проявлениях воображения, – и таким образом мы можем получить доступ к *Seiendes* (используя язык Хайдеггера, нем. «сущее») и пропозиции через призму теоретико-познавательного гносеологического значения.

Интерпретация воспоминаний по Гегелю заключается в том, что воспоминания являются не только представлением образа, но также процесса интернализации образа. Так, Гегель использует дефис в термине *Er-Innerung* (нем. «воспоминание»), предназначенном для обозначения данных понятий. Воспоминание – это *Innerung*, то есть процесс «внутреннего формирования» образа. Такое внутреннее формирование представляет собой основу формы образа. Важным моментом является утверждение, что такая сила реминисценции и ее способность к интернализации образа открывают путь к абсолютному *Wissen* (нем. «знание», согласно терминологии Гегеля), являющемуся основным путем этой силы. Происходит создание реальных образов, посредством которых можно достичь абсолютного знания. Следовательно, воспоминания могут как порождать образы, так и знать и систематизировать такие образы в смысловую историю.

С точки зрения Гегеля, существование Бога имеет трагическое обличье. Отношение Бога к формам своих творений воплощается в образе мученика. Нам был представлен конечный образ – образ, посредством которого мы можем помнить о пути, который мы прошли. Нам необходимо помнить духовные формы, фактически являющиеся смыслом нашей бесконечности.

Первый язык бесконечности – образ: бесконечность может быть воссоздана позднее в виде понятия. В заключение своего труда Гегель говорит об образе божественного бессилия, неспособного привести свое творение и его собственную жизнь к точке покоя. На мой взгляд, это форма действия языка; она диалектична, так как в ней присутствует непосредственная возможность внутреннего функционирования предикативного процесса, а также возможность одновременного использования метафоры и герменевтического круга и, как следствие, возможность получить доступ к образу. Такое движение, являющееся диалектикой невидимого, противопоставляется видимому, нашему движению сквозь видимое.

Проблемой, с которой наше сознание постоянно сталкивается, является ограниченность горизонта видимого и создание незримого. Дискурс представляет собой волевое воплощение момента, необходимого для трансценденции образа для создания теоретического смысла невидимого. Дискурс возникает впервые в тот момент, когда образ трансформируется в наименование. Сила наименования является первым намеком абсолютного знания, и такая сила возникает уже в самый первый момент «феноменологии», когда в режиме настоящего времени происходит попытка создания таких наименований.

В рамках дедуктивной пропозиции субъект и предикат остаются разделенными. Форма остается отделенной от содержания. Мысленное предложение и форма, соответствующая диалектической мысли, противоречат данной формулировке, так как в таком контексте субъект расширяется до предиката, при этом значение предиката необходимо искать на пути его возвращения к рамкам субъекта.

Но предполагает ли дедуктивная мысль такую форму диалектической мысли, от которой зависит дискурс? Не является ли диалектика логическим способом описания риторических процессов либо риторических усилий разума.

Для осознания важно получить новый объект через новую основу, новую первопричину. *Archai* создается из ничего.

Такое создание *Archai* сродни процессу воспоминания. Это воспоминание в его первоизданном виде. Это *Erinnerung* в том виде, как оно трактуется Гегелем. Речь *Archai* не всегда может быть суждением. Она является речью, которая открывает нам то, что позволяет видеть, но не думать (я бы сказал, в гносеологическом, пропозициональном смысле). Это речь, в которой сознание открывает себя самому же себе. Метафора всегда приоткрывает нам что-то, откуда сознание черпает подсказки и пытается понять то, что оно видит.

В своей попытке поиска синтеза мы можем обратиться к структурализму. Задачи психоанализа и структурализма схожи: мы наблюдаем здесь движение от того, что непосредственно дано, к тому, что скрыто, а также от изучения сознательных лингвистических явлений к изучению их подсознательных структур. Однако слабое место структурализма заключается в том, что философ сделал предмет своего анализа уже имеющуюся культуру, и в то же время процесс создания культуры выпал из вида. Здесь мы снова сталкиваемся с потребностью представления метафоры, и в условиях, когда структурализм обращается к историческому материалу, стилю философствования, он находится ближе к классике, нежели к современности. В связи с этим воссоздание теорий повернуто к прошлому и представляет собой археологию в области культуры.

Язык начинается с фразы. Литература (и поэзия, в частности) в своей попытке найти выражение для многозначительных и ярких образов поэта – источник вдохновения и для философского мышления. Здесь происходит наполнение содержанием, и речь выполняет коммуникативную функцию и отсылает нас к её истокам, началу самого языка, онтическим условиям его возникновения.

Лексический состав языка, доступный участникам дискурса, должен давать им возможность выбирать необходимые значения и производить новые значения.

Возможно, здесь мы снова сталкиваемся с потребностью в воображении, новом значении. В связи с этим отличительной особенностью человеческого бытия является речь или же даже существование посредством речи [3, р. 143]. Исходя из этого, встреча с семантикой – это «генеративная грамматика» Хомского и «онтология языка» Хайдеггера. Язык в своем движении пересекает две пограничные точки: границу понятийного смысла (сказать что-либо) и, с другой стороны этого смысла, границу корреляционной связи, ориентира. Язык обладает намерением говорить, влиять на окружающую реальность, при этом демонстрируя влияние реальности на мыслительный процесс. Наиболее радикально настроенные критики философии Гегеля, опираясь на свой антиметафизический дух, свели понятие духа до понятия сознания. С этой точки зрения мир знаков становится частью внутреннего мира. Существует два пути для подобной регрессии (возвращения к имманентному сознанию согласно Декарту) – возрождение метафизики Гегеля либо признание существования двух миров, а именно мира естественных наук и мира культуры. Но существует и третий путь – интенциональность сознания, при которой намерение языка говорить, а также его метафорическое и поэтическое использование могут рассматриваться как следствие интенциональности сознания. Язык тем самым перестает быть абсолютным явлением и становится посредником для нас. Он выходит за пределы завершения времён, или, иными словами, за пределы понятия завершения истории согласно гегелевской метафизике. Быть медиумом, посредником – является функцией языка; это не менее важно, нежели структура языка, но в качестве базового элемента необходима фраза, а не слово или фонема. Человек возникает во фразе, и его бытие – это бытие во фразе, в то время как возникновение человека происходит до рождения утвердительного ответа на вопрос о его существовании. Возникновение случается вместе с первым вопросительным актом. Это «Я» идентично вопрошанию; его существование – это вопрос бытия. Но вопрос задается о чем-либо, и именно здесь наряду с Эго и одновременно с ним возникает Сущее, и картезианский метафизический компонент исчезает – момент, сопровождающий любые гносеологические взгляды, разделение на субъект и объект, а также их последующее гипостазирование.

Заключение

Таким образом, семантические инновации могут выступать движущей силой истории, а перенос гносеологических вопросов в плоскость семантики неизбежен. Имманентное сознание, открывшее Декарту основы истины, может быть ложным, а зачастую оказывается таковым.

Однако если для рефлексии необходима расшифровка, интерпретация сознания, так как его содержание может быть ложным, то возникает потребность в понимании закономерностей двойного смысла. И когда речь заходит об интерпретации, это означает, что может существовать иной ее вариант, отличный от предложенного. Рефлексия, собственно, является корректирующей критикой, или, иначе говоря, такая работа создаёт формирующийся смысл. Образ является следствием возникающего значения, эффектом от отзвука, отклика или отражения, не являющегося вторичным явлением.

Конечная роль образа заключается не только в дистрибуции значения различных чувственных полей, но также в сдерживании смысла в подобной нейтральной атмосфере элемента вымысла: свободная игра возможностей в условиях невовлеченности в мир восприятия или действия.

Список источников

1. **Rethinking Imagination: Culture and Creativity** / ed. by G. Robinson, J. F. Rundell. L.: Routledge, 1994. 192 p.
2. **Ricoeur P.** Imagination in Discourse and in Action // *Rethinking Imagination: Culture and Creativity* / ed. by G. Robinson, J. F. Rundell. L.: Routledge, 1994. P. 109-123.
3. **Ricoeur P.** The Conflict of Interpretations. Essays in Hermeneutics. Evanston: Northwestern University Press, 1974. 512 p.
4. **Ricoeur P.** The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling // *Critical Inquiry*. 1978. Vol. 5. № 1. P. 143-159.
5. **Verene D.** Hegel's Recollection: A Study of Images in the Phenomenology of Spirit. Albany: SUNY Press, 1985. 148 p.

METAPHOR AND SEMANTIC INNOVATION AS A DRIVING FORCE OF PHILOSOPHICAL LANGUAGE

Mentuz Dmitrii Nikolaevich

*Sofia University "St. Kliment Ohridski", The Republic of Bulgaria
mentus@yandex.ru*

The subject of the research in this article is patterns of speech in its interpretative and metaphorical modus. Clarification and understanding of such patterns are topical and necessary, since our reflection, in turn, needs to be deciphered. We require interpretation of consciousness, because its content can be false, moreover, it often turns out to be false. Our intuition leads us to doubt, to craving for transcendence, hence, there is a need for understanding patterns of the double meaning, metaphor. The author sees his task in the study of patterns of double meaning, patterns of speech in its interpretative and metaphorical, figurative modus and comes to the conclusion that an image inextricably linked with meaning is still an effect of echo, response or reflection and yet it is not a secondary phenomenon.

Key words and phrases: metaphor; meaning; image; representation; semantics; discourse.